
ЛАРА БАРОХ
БЕРЕГИНЯ
ЛЕСА

Лара Барох
Берегиня леса

https://litres.ru/74751204
SelfPub; 2026

Аннотация

Я хранительница леса и страж границы между добром и злом. Работа не пыльная, уважаемая всеми жителями леса, хорошо оплачиваемая.

Только вот люди Никак мы с сестрами в толк не возьмем? Откуда у людей страстное желание погибнуть? Не на поле брани, нет, а переступив запретное, что закрыто для их же пользы дремучими лесами и топкими болотами, надежно укрытое густыми туманами. Для чего смерти ищут?

Авторская версия русской сказки.

Лара Барох
Берегиня леса

Глава 1

Что может быть страшнее безумной драки? Только схватка диких хищников в лесу. Вот на нее сейчас я примчалась. В своей умной ступе свалилась в мохнато-кровавый ком и заорала:

— Замереть всем!

Крик бы никто не услышал, но я огрела всех на поляне своей силой, а она, как радуга: кто с добрыми помыслами, к тем ласкается, как медвежонок, а кто вот как сейчас, железом каленым приложит. Умная.

В голос завыли Степка, переросток волк, и Мишка, сын Захара, старейшего медведя в моем лесу. Давно у меня были подозрения про этих двух, и разговаривала я с ними, прощупывала настроения, но никто не сознался. Им же хуже.

Кто был вокруг схватки да подзуживал, также получили свое. Но, конечно, не такой боли, как эти двое.

— Значит, так. — Отворив дверцу ступы, я грациозно похозяйски ступила на землю. — Я к вам приходила? Разговаривала относительно отношения друг к другу?

— Ну… — Мишка все же дерзкий, уже и наказывала его, а ума не прибавилось.

Не в отца уродился. А все мать виновата. Избаловала его.

Самый вкусный кусок Мишеньке, в берлоге самое мягкое местечко ему, родимому. Всегда его в детстве выгораживала: «Мишенька не мог, это клевета, либо его спровоцировали, а скорее, подставили кровинушку ненаглядную».

Вот и вырос неуправляемый переросток. А сейчас у него пубертат, и голова лапами не управляет.

— В моем лесу я хозяйка! Мое слово закон для всех! Даже грибницы со мной советуются, прежде чем разрастись на новом месте. Вы же оба меня ослушались. За это будете наказаны. Зализывайте раны, через три дня чтобы были у меня со своими старшими, — обвела я всех на поляне ласковым взглядом с ухмылочкой.

Звери поежились. Сороки сорвались с веток и умчались. Сплетницы. Полетели Лешему рассказывать, ну да пусть, они издревле у него на побегушках.

Я же вернулась в умницу-ступу и направилась домой. Потому что соскочила раньше положенного времени, когда лес зашумел: «Беда». Ни умылась, ни кофе не попила, только платье накинула и кинулась драчунов разнимать.

Три дня дала, чтобы успели напугаться как следует. Потому что в этот раз щадить я никого не намерена.

Я живу в этом лесу триста лет, как пишут в современных романах — попаданка из 1726 года. Отец мой был одним из последних волхвов, поклонялся он и вся наша семья славянским богам, родоначальникам жизни. Избежала наша семья гонений при императоре Петре Первом, а вот в эпоху импе-

ратрицы Екатерины постигла нас страшная участь. Я все же склоняюсь к тому, что предал нас кто-то, ну да что сейчас про это. Согнали всю семью в дом и сожгли заживо.

Меня же, вернее, дух мой, перенесли в тело Ягини, или Яги. По меркам мироздания я совсем молодая особа, срок мне отведен в тысячу лет. Потом уйду в страну духов Беловодье. По иронии судьбы, или так замыслил Создатель, именно вход туда я и охраняю. Живу в лесу, что раскинулся бескрайними просторами вокруг горы Белухи, на Алтае. Гора эта и есть Пуп земли.

И как полноправная хозяйка этого леса, слежу, чтобы во всем был порядок. В этом и есть вторая моя забота.

Перевоплощение мое было странным, при этом ничуть не пугающим. Мне в голову как будто вложили вековые знания о мире, о природе, о людях. Как само собой разумеющееся, я приняла свою силу и ни разу не удивилась этому. То же самое с жителями леса. И они, и я прекрасно знаем свое место, правда, не всегда хотим мириться с судьбой, вот как сейчас волк с медведем. Но надо отдать им должное, ни разу ни от кого из зверья не исходила угроза. Да им даже в голову такое не приходило. Закон леса.

Почему люди перестали читать сказки и учиться на них? Сказано там: «Не ходи в страну духов Беловодье, не ищи себе погибели». Причем кровью написано, потому что никто оттуда никогда не возвращался, нет живым там места. Для того я здесь и поставлена, чтобы охранять эту границу, и из-

бушка моя стоит соответственно: к Беловодью задом, к лесу передом. А знаете для чего? Чтобы никто не мог через избушку, то есть ворота, в мир духов проникнуть. Потому когда кто из зверей уходит на перерождение, я произношу как заклинание: «Избушка-избушка, повернись к горе задом, ко мне передом». И тогда зверь спокойно уходит.

Сестры мои что только не делали, чтобы отвадить глупцов от смертельной опасности. Ягибиха, к примеру, силой своей аномальную зону устроила, хотела таким образом отпугнуть дураков, да кто же мог предположить, что они, напротив, туда как мухи на мед слетятся? Прозвали то место падением Тунгусского метеорита и толпами туда стремятся. А там неподалеку, в земле, заклятием закрыта погибель человечества. Она злая, голодная, с момента сотворения миров жаждет вырваться наружу и сотворить свое черное дело. Ягибиха каждый день проверяет, надежны ли оковы, что зло сдерживают. Подпитывает их своей силой. Звери то место за сто километров обходят стороной. Знают, чуют погибель. А людям невдомек, отвлекают сестру мою от труда праведного, досаждают своими походами. Глупцы!

Закон леса честный, вековой. Здесь все просто. С рождения каждый зверь ли, птенец постигает главную науку — как следует вести себя, чтобы жить и живому остаться.

У людей же все в головах перемешано. Никакие законы им не ведомы. Мы с сестрами понять не можем, откуда у них такая тяга к мучительной смерти? Живи, трудись, путеше-

ствуй, купайся в море или поднимайся в горы. Рожай детей, цени и храни свое самое главное сокровище: жизнь и здоровье. Тебе все это дано Создателем.

Так ведь нет! Вначале наживут себе болезни, нацепляют проклятий, а потом огромные деньжища тратят, чтобы обрести то, что и без того дано им совершенно бесплатно.

Глава 2

Вернувшись домой, я потянулась всем телом. Хорошо у меня! Начало лета, до солнцестояния еще далеко, да только сейчас и начинается моя настоящая служба. Прошлым летом я отвадила две экспедиции от своего леса. И, что странно, водит их ко мне один и тот же самоучка-альтернативщик.

Уж я его и травила зверьем диким, ягоды подсовывала отравленные, и в болоте топила, и приборы у него останавливала, а он лишь сильнее рвется туда, куда не надо. Статьи какие-то в интернете выкладывает с фотографиями сломанных приборов. Пытается привлечь к моему лесу больше внимания. Не ровен час, и в этом году нагрянет. Надо уже с ним что-то решать. Либо запугать его до белых волос, либо отпустить уже на Белуху и забыть о нем. Нет человека — нет проблемы.

— Эй, Оксана, заходи уже, чего в дверях топчешься? — мельком глянув на дверь, пригласила я рыжую сплетницу в дом.

Та давно маячила перед глазами. То на опушке встретится, то под моим домом ночами от дождя прячется. Вздыхает

полночи. Замыслы свои продумывает. Вот и сейчас выглядывает в дверь одним глазом, а о своем присутствии молчит. Это вам не сова. Та издалека летит, а уже орет: «Угу-Угуша, ты не поверишь! У меня такая отменная сплетня!»

— Страшно мне, Ягинюшка, за зверей наших страшно, — проворно переступив порог, лиса вернулась к давнему разговору. — Молодежь уже не та. Взрослых не уважает. С законами леса не считается, — вздохнула печально рыжая и замолчала.

— А с чего им уважать, считаться, если подстрекатель их за нос водит? Вернее, подстрекательница... рыжая.

И вот что странно. И лиса знает, что я знаю, а все равно пакостит. Я лениво зевнула и щелкнула кнопкой кофеварки.

Техника у меня дома всякая имеется. Я часто бываю среди людей, интересуюсь новинками и, что приглянется, тащу домой. Работает все прекрасно от моей силы. И никаких тебе проводов, опоясывающих землю. Птицы не гибнут, зверью жить вольготно, нет вреда лесу.

— Что ты, Ягнюша? Я же, напротив, пришла к ним, чтобы научить, подсказать, опыт поколений передать. Еще моя бабка сказывала, что отродясь не было мира между волками и медведями. Так ведь я никому никогда того не рассказала. Лес свидетель! — тряхнула наглой мордой Оксанка.

— Лес, говоришь?! А зачем ты Мишке при каждом удобном случае кланяешься и повторяешь, что нет ему равных среди всех зверей? А Степке — что он второй в лесу после

Миши? Для чего ты их сталкиваешь лбами? Не ты бы, они и знать не знали, что вражда между ними.

Я щелкнула пальцами и пропустила между ними силу. Получилось угрожающе громко и с запахом жженой шкуры. Люблю такое вместо того, чтобы кулаком по столу ударить или за шкирку схватить….

— Все врут! — отодвинулась на мягких лапах Оксанка. А сама поглядывает на мою руку. — Не так было. Вернее, не было такого.

А у самой хвост из стороны в сторону так и мечется, и в глаза мне не смотрит. Только носом потягивает в сторону кружки с кофе.

Пустое с ней спорить, все равно, как змея в мокрых руках, вывернется. Размолвки у нас с ней возникли давно. Лиса отчаянно просилась ко мне в помощницы. Только веры ей нет. В какую проделку не ввяжется, все кругом виноваты, но никак не она. Нужна мне такая помощница-подстрекатель? Вот и отказываю ей.

Жалуются на нее звери. Взяла за волю стравливать. Начинала с зайцев, воронов, косулей, сейчас на Мишку со Степкой замахнулась. И главное, совсем не думает о роде своем лисьем. А ведь она одна уже два года пустоцветом гуляет. Все лисьи семьи счастливы пятью-семью щенками, но не Оксанка. Наказана она, не мной наказана, и пока не исправится, не видать ей потомства. А на исправление у нее три дня. Вот здесь моя воля.

— Оксана, я зверье собираю через три дня. Будь там непременно. Ответ держать будешь.

Лиса все поняла. Зверье вообще умнее людей.

— Спасибо, что время попрощаться дала, — глотая слезы, развернулась Оксанка.

Можно ли считать, что мятеж в лесу подавлен? Волки с медведями, конечно, стенка на стенку не пойдут. Но очень я волнуюсь за Захара. Он старейшина среди медведей, сына любит. За эти три дня ему жена всю шерсть в ушах вычешет разговорами о сыночке.

Беда не приходит одна. Знаете почему? Вот и я не знаю.

После ухода рыжей я присела в кресло и открыла ноутбук. Да чуть остатки кофе на клавиатуру не пролила. Пришло письмо от поверенных о том, что их наследник отказывается продолжать семейное дело. Попал под влияние мира и хочет сам во всем убедиться, своими глазами увидеть, руками пощупать, сфотографировать и выложить в интернет. Только после этого поверит и, возможно, согласится нести свою миссию.

Плохо дело, потому что ни я, ни люди не можем разорвать отношения между собой. Не нами это придумано, не нам и нарушать.

У нас так заведено, что у каждой берегини есть свои поверенные в мире людей. Мне они достались вместе с должностью, и с тех пор связь не утрачивалась. Из века в век старший сын становился продолжателем традиций. Если умирал,

то средний, и так далее. Но осечек не случалось, потому что мы связаны между собой крепче клятвы.

Я оттолкнуть людей не могу, у меня даже мысли нет скандалить или спорить с ними. Они как младшие братья мне.

А они если отвернуться, то их Творец разума лишает и прекращает род их. И вот сейчас из-за одного глупого юнца их судьба висит на волоске.

Глава 3

Люди мне требуются, чтобы не чувствовать себя одинокой, заброшенной, никому не нужной. И чтобы была возможность сменить обстановку, выбраться к ним, понаблюдать за человечеством, что они, немощные, в очередной раз себе на погибель придумали. Но главное, через них мы посылаем людям наставления, а уж кто услышит… Но я тщательно проговариваю все с Дмитрием. Объясняю, отвечаю на все его вопросы. Никогда не отмахиваюсь и уж тем более не отталкиваю.

Наши поверенные, или избранные, старались всегда селиться поближе к нам. В радиусе ста километров примерно. Но это правило распространялось только на старшего брата, на кого пал жребий. Остальные могли вести какой угодно образ жизни и жить где захотят. Родственники Дмитрия, к примеру, давно уже в Москву перебрались. Семья большая, четверо братьев. И все посвящены в той или иной мере в тайны бытия. И со мной знакомы.

Помню, первый мой человек, Кондратий, сын стрельца,

истерзанного и убитого еще Петром Первым, бежал от гонений на Алтай. Организовал общину, и жили они, сами себе хозяева, натуральным хозяйством.

А его сын Савелий уже столкнулся с москвичами, что приехали наш суровый край покорять. Получили москвичи по шапке и вернулись обратно. Но пришлось Савве обойти мой лес да гору и поселиться подальше от людей. Потом уже были и бояре, и красноармейцы, всех помню. Со всеми ладили.

Сейчас вот подрос Костик, да, как отец в письме сообщил, дурь в голову светлую проникла. И если я не верну отношения, то мне предстоит искать других поверенных. Дело это трудное, долгое, семьи три с ума сведешь, пока нужных отыщешь.

Как все не вовремя. У меня судилище через три дня, а здесь Костик… А может, соединить эти два события?

Костика в случае чего все равно живым не оставят. Да и кто ему поверит? А если уж парню нужны острые впечатления и эмоции… Вэлком, что называется, ко мне. Умею, практикую, щедро делюсь опытом.

— Бела! — позвала я силой помощницу.

Зарекомендовала она себя идеально. Молчаливая, наблюдательная, острая на слух, умная и страшная в своем бесшумном появлении.

— Звала, Ягиня?

Вот зараза. Нравится ей незаметно появляться. Никто, кроме рыси, на такое не способен. А Белке нравится выпол-

нять мои поручения, причем с вот таким театральным выходом.

За службу мне расплачивается с ней мироздание. Все ее щенки выживают, дают хорошее потомство, всегда сытые и здоровые. И их щенки, и так до тех пор, пока служат мне или той, что придет после меня.

— Бела, мне смотаться на пару дней к людям надо. Пригляди за порядком.

— Мур-мур, пригляжу. Да и сама знаешь, накануне судилища весь лесной народ уши да хвосты поджал.

Красотка сидела, упершись спиной в распахнутые двери, и неторопливо и тщательно делала себе маникюр: вычищала тухлятину между когтей.

Белка вообще эталон, эстетка во всем лесу. Большинство моих зверей питались друг другом. Пардон, закон леса. Но лишь одна рысь после каждой охоты чистила когти. Медведь, того лучше вообще стороной обходить. Вечно от него воняет, аж глаза слезятся. Тухлятиной, считай, одной питается. Волки, те почище, но тоже смотря на кого наткнешься. Встречаются и вонючки почище медведей. А вот Белу по запаху никто учуять не может. И я знаю, вижу, как она этим гордится. Сидит, бывало, на дереве, все видит, все слышит, а ее не замечают. Учуять не могут.

— Бела! Я приду на судилище с человеком.

— Фр! — Шерсть у рыси встала дыбом. — На перерождение его отправишь или нам для игры отдашь? А может,

позднее? Я как раз щенков рожу, будет детям забава, — мечтательно покрутила пушистой лапой в воздухе Бела.

— Этот человек мой будущий поверенный в мире людей. Да только не хочет принимать службу. Посмотреть ему надо своими глазами, понять, проверить. Не верит на слово отцу.

— Ох уж эта молодежь, — поддакнула Бела. — Никакого уважения к мирозданию. Жаль, конечно, что не на забаву, но, может, в другой раз? — с надеждой, почти с мольбой глянула она на меня.

— Ничего обещать не буду. Сама знаешь, зло чинить тебе или мне, да хоть кому, запрещено. Шкура у нас одна на все времена.

В то же время я понимала, что будет зверяткам моим в этом году кровавая забава. Сдается мне, неспроста самоучка-альтернативщик экспедицию собирает. Видела его посты. Поживем — увидим.

— Значит, договорились. Я через час уеду.

После ухода Белы я силой послала всему лесу новость о своем отъезде и начала собираться. В качестве гостинцев Дмитрию я приношу неизменно золотые самородки. Что поделать, если люди на них падки, а кто кроме меня поддержит верных людей.

Еще я дарю ему корень женьшеня, килограмма на два. Его лес уже приготовил, по дороге прихвачу. Это сокровище ценнее золота будет. И Дмитрий его ждет и знает, как им распорядиться. Настои для семьи приготовит да людей, ко-

торые к нему приходят, лечить будет.

Благодаря тому, что я часто бываю в мире людей, одежда, обувь, сумки дорожные — все у меня имеется.

Собралась, сходила в душ. Какую я хочу сегодня прическу? Оглядела себя в зеркало. Косы? Распустить волосы по плечам? В хвост собрать? Нет! Хочу пучок на затылке. К нему льняной брючный костюм цвета весеннего неба. Оно особенное. Зимой, в солнечные дни небо яркое, почти синее, летом прозрачное, невесомое, а весной нейтральное. Нет в нем зимней агрессии. Весной небо сильное. Я бы даже отметила — всесильное.

Вообще, всякое переодевание важно только для меня. Люди никогда не видят меня в истинном обличии. Не заслужили такой страшной участи. Поэтому я всегда прикрываюсь дымкой из силы. Кто как захочет, тот так меня и видит. Одно объединяет людей — никто меня не запоминает. И если кому-то взбредет в голову вспомнить мое лицо, все будут называть разные черты.

Выбираюсь к людям я всегда в ступе. Дом на колесах. Причем в лесу она выглядит как корзина с диванчиком и навесом от солнца. А за пределами леса превращается в автомобиль. Самый неброский транспорт по нынешним временам.

Раньше она то телегой прикидывалась, то рысаком, когда побыстрее добраться надо. Может, и вид корабля принять — одна сестра, что водоворот охраняет, так ее и использует.

Собралась я, женьшень прихватила и выбралась из леса.

— Ну, моя хорошая, помчали к Дмитрию. Отрока его вразумлять станем, — погладила я черный блестящий бок внедорожника и забралась на водительское сидение.

Можно часок отдохнуть, музыку послушать, ее мне Костик записал на флешку. Да посмотреть из тонированного окна по сторонам, что люди нового напридумывали, неугомонные.

Глава 4

У дома Дмитрия было многолюдно. Дела у старца, так его люди прозвали, шли в гору. К нему лет двадцать как обращаются за помощью как в последнюю инстанцию. В основном с неизлечимыми болезнями приходят те, кому врачи помочь не могут. И не помогут.

Современное образование учит врачей, как бороться с болезнью, а как жить здоровым, продлевать свое долголетие — не учит. У каждого своя причина возникновения недуга, а медицина действует по протоколу. Подгоняет человека под стандарты болезни и вот тогда начинает лечить. Стандартно. И как результат, ничего хорошего из этого не получается. Вернее, получается, но исцеление доступно не всем.

Дмитрий же лечит словом. Объясняет причину появления тех или иных недугов, диагностирует. Дает совет, что в себе и отношении с окружающими следует изменить, чтобы недуг отступил. Болезнь — это ведь сигнал человеку о неправедной его жизни, идущей против законов мироздания. И лишь человек может что-то изменить. Ну а если нет… Мироздa-

ние избавляется от него, как организм от ненужной клетки, которая вредит. Вот и вся суть болезни.

Припарковала я ступу — ой, внедорожник — на «своем» месте. Лужайку за домом никто никогда не занимает, шлагбаум открывается автоматически, когда электроника распознает меня.

— Ну, жди, родная. — Я погладила пыльный бок верной помощницы, взяла из салона сумку с гостинцами и через заднюю калитку направилась в дом.

Дом Дмитрию вместе с землей в свое время подарил младший брат Владимир. Дом в два этажа. Первый поделен на людскую и хозяйскую часть, второй — для семьи Дмитрия. Рядом с хозяйским другой дом, в два раза больше, для приезжих, кто за исцелением пришел. Там и помощники живут. Стирку и уборку никто не отменял. А в доме только семья.

Владимир богатый во многих смыслах человек. Как уехал на учебу в Москву, так там и прижился. Большой человек в столице, но корней не забывает. Оттого и успех ему сопутствует.

— Здравствуй, Зина! — встретила меня Ольга, жена Дмитрия.

Да, в мире людей меня все называют этим именем. Негоже детям несведущим представлять меня Ягой. Вот я и придумала прозвище.

Ольге, как и мужу, за пятьдесят. Свел их Творец оригинально. Ольга в составе экспедиции приехала изучать гору

Белуху. Я их по лесу водила, плутала, пугала, кого в крапиву двухметровую завела да отхлестала как следует, кого змеями до белых волос напугала, топи мои они на брюхе проползли. Смешные, дерзкие… были.

Да, мало кто мои испытания больше недели выдерживает. Вот и эти, растеряв свои приборы и смелость, обратно повернули. Ольга была организатором той экспедиции. Громче всех упорствовала:

— Пока не найду Белуху, не вернусь домой!

По слову Творец и дал ей. Оступилась, свалилась в овраг, да корнями деревьев распорола бок до кишок. Медицина в то время в наших местах… как бы это помягче, в общем, не было ее вовсе. Умирающую Ольгу принесли к Дмитрию. Он как роль свою в мире принял, так и врачевать начал.

Выходил Дмитрий ее, научил, что не там она истину ищет. И не вернулась Ольга домой. Все, как сама захотела.

Со мной она уж позднее познакомилась, посмеялись мы с ней над той экспедицией, с тех пор и дружим.

— Привет, Олюшка! Принимай гостинцы. — Я поставила на стол сумку с самородком и целебным корнем.

— Дмитрий… у него люди сейчас. Давай за стол? Поболтаем с тобой. Новости у нас… — горестно вздохнула хозяйка.

— Творцу виднее, какой дорогой Костю вашего к себе привести. Не грусти, накрывай на стол да рассказывай подробнее.

Люблю я у них гостить еще и потому, что хлебосольные они. В лесу я не ем мясо и яйца, не могу, в горло не лезет. Там у меня каши, супчики легкие, овощи, фрукты. Но чего греха таить, люблю розовое сало с чесноком и травами, за шашлык могу голову откусить, шутка. Плов с бараниной, яйца печеные, жареные, вареные — все мне по вкусу.

И пока я глотала слюну, наблюдая, как Ольга накрывает яства на стол, слушала ее рассказ. Костя ее ребенок, и материнское сердце несколько иначе донесет историю его протеста.

— Сына будто подменили, когда интернет к нам два года назад провели, — начала Ольга.

Я потянулась за буженины домашней. Как, оказывается, я по ней соскучилась! Ам! Толстый ломоть насадила на вилку и с упоением откусила сочный кусок.

— Костяшкин с детства всем интересовался, добрым сердцем его наградили, вспомни, как он за кур заступался? Не давал из них суп варить, — улыбнулась воспоминанию Ольга, и сеть морщинок пролегла в уголках глаз.

Красивая Ольга, и старость ее украшает. А все потому, что в мире с собой и мирозданием живет. Другим и «уколы красоты» не помогут, лицо как восковая маска и лишь страшнее становится.

— Мы поначалу радовались, весь мир оказался у нас дома. Все красоты можно увидеть, где пожелаешь побывать. Все книги в библиотеках прочитать. Да не к добру эта воль-

ность оказалась. Сынок сначала смотрел, потом увлекся, захотел проверить, быть как все. Мы отпустили его к Володе в Москву. Думали, увидит, сравнит, поймет, что лучше дома нигде не будет, а оно наоборот вышло. С тех пор отказывается Костя домой возвращаться. Полюбилась ему суета мира, — закрыла в отчаяньи лицо руками Ольга.

— Суета суёт… — откусив половину от вареного яйца, «поддержала» я хозяйку. И, прожевав, добавила: — Не рви себе душу. Я же не враг вам и себе. Хочет чадо увидеть запретное — будет ему запретное. У меня судилище через три дня. Зверей на перерождение отправляю. Вот и возьму Коську с собой. По лесу в ступе полетает, избушку мою в действии увидит, ну и запретное уму покажу. Поживет у меня какое-то время, спесь с него отпадет, одумается. Я склонна верить, что все наладится. Вы правильно его воспитали, осталось только чужое, наносное с него стряхнуть.

— А тебе? Не будет за это вреда?

Вы только посмотрите! Ольга не за себя, не о чаде испугалась, а за меня. Вот она, проверка на человечность.

— Мы с вашей семьей связаны, и мой долг помогать вам. Не будет мне вреда.

— А если Костя… — не смогла вымолвить страшное Ольга.

— А если бы у бабки были яйки, то она была бы дедкой.

Сомнения ни мне, ни Ольге не нужны. Нужна вера, в смысле доверие мирозданию. Опереться следует на его про-

мысел, он все устроит. Что от нас требуется, мы все сделаем, ну а если Костяшкин упорствовать станет… Это его выбор. Творец всем дает свободу в поступках. Но мало кто знает, чем расплачиваться за это придется. Надеюсь, до того не дойдет.

Послышался скрип двери, и на пороге появился Дмитрий. Одного взгляда хватило, чтобы увидеть, как он осунулся. Устал. Надо побыстрее Коську в чувства приводить да на смену отцу ставить.

— Доброго дня тебе, Зина! — поклонился Дмитрий в пояс.

— И тебе доброго дня, человече! — Я встала и ответила почтительным поклоном. Между нами прежде всего уважение.

— Благодарю что примчалась, не оставила нас в беде.

Дмитрий присел за стол. Ольга налила ему в роскошную глиняную кружку квас из запотевшей банки, и он залпом его выпил. Затем провел рукой по усам и бороде, стряхивая остатки капель.

— Нет никакой беды. И не будет. Даже мысли такой не допускай. Я вот еще часок с вами посижу, да в Москву за отроком вашим рвану. Билет на самолет уже купила. Возьму его в лес, покажу что захочет, да к вам затем и верну. Преобразившимся.

Глава 5

— Что люди?

Дмитрий мой проводник в их мир и чутко передает настроения, помыслы, стремления живых.

Он лишь махнул рукой и начал рассказывать истории людей, к нему обращающихся.

— Пришла ко мне молодая женщина. Тридцать лет, руководит крупным бизнесом, на уровне страны вопросы решает. Карьеру сделала, горда неимоверно. Пример для всех, — добавил Дмитрий со смешком. — В семье же дела обстоят все хуже и хуже. С будущим мужем познакомились еще в университете. Только она в бизнес, а у него не пошло. По найму работает. И как ни учила его жена… — Опять смешок. — Ничего у него не выходит. К бутылке прикладываться начал, отстранился от жены. За десять лет та женщина ни одного ребенка выносить не смогла. А сейчас и вовсе… Опухоль нехорошая появилась, за два месяца проросла. Выслушал я ее жалобы на мужа, на здоровье, сокрушения, что вот только жить начала, карьеру сделала, и надо же такому приключиться, да и посоветовал примириться с мужем, все с этого у нее началось. Знаешь, как она про него говорит: «Мне больно смотреть на него», «Сидит в печенках», «Слышать его не могу», «Душит обида».

Переводя на язык мироздания — кто о чем просит, в итоге то и получает.

— Услышала она тебя? — спросила я просто из интереса.

— Что ты! Ругала, учить взялась уму-разуму, что надо за успешными тянуться, а не за неудачниками. Уехала искать

исцеления к другому старцу.

Дмитрий все сделал правильно. Открыл этой женщине, как следует искать гармонию, а выбор всегда за человеком. Свободны они всегда в своих намерениях и желаниях. Закон мироздания.

— Или другая женщина. Сорок с небольшим, муж успешный бизнесмен, она домохозяйка. Экзема ее замучила, где только ни лечилась, могут только заглушить на время. Но болезнь возвращается с новой силой. И знаешь, что она говорит? «Руки чешутся помочь мужу». А он категорически не принимает ее советов по бизнесу. Раздоры в семье, ругань. Но эта услышала, когда я ей ее же слова передал, замерла с открытым ртом, закрыла лицо руками и горько разрыдалась. Скучно ей, понимаю, сын вырос, отпочковался от семьи. Я ей как бы между делом обмолвился, что есть у меня знакомая, торты печет да отдает в дома престарелых, стариков порадовать. А другая приют кошачий организовала. Отдавай, мол, людям то, что тебя переполняет.

Дмитрий во всем прав. Ни добавить, ни убавить.

«Глаза бы мои сына не видели», — обронила другая женщина, описывая отношения с отроком, и не может помочь ей медицина, слепнет и слепнет.

«Ноги домой не идут». Привезли на кресле-каталке мужчину, врачи не могут найти причину его недуга.

Мир меняется, а люди в нем — нет. Еще с екатерининских времен, сколько себя помню, да и до того также было.

— Пора мне. Попроси Владимира, чтобы встретил в аэропорту. Да жди обратно. — Я поднялась, поблагодарила за вкусные кушанья и вышла к помощнице.

Дмитрий с Ольгой меня провожали, стояли обнявшись, как в молодости. Она голову склонила ему на плечо, он покрепче обнял ее, поцеловал в макушку. Сплошное любование.

— Доброго пути тебе, Зина! — сказали они на прощание, и я рванула в аэропорт.

Ехала по объездной недолго, вокруг одни рекламные щиты: купи то, оформи это… Все про деньги. Впрочем, всегда так было.

Заехала я на территорию аэропорта, из салона взяла только сумочку через плечо с документами и картами. Прикрыла нас с помощницей силой от любопытных глаз.

— Родная, давай меняться местами, сейчас ты на мне катайся.

Я протянула руку к автомобилю, и струйкой густого дыма растаял внедорожник, перетекая в мою ладонь ожерельем черного агата с серыми дымчатыми прожилками.

Я погладила помощницу, поблагодарила за службу и надела ожерелье на шею. Я могу и без нее справиться, но за века мы крепко сроднились, поэтому договорились не расставаться. Да и она без меня скучает.

Прошла я регистрацию, уселась в пассажирское кресло салона самолета, и почти все пять часов полета наблюдала за

людьми, слушала их разговоры.

Кто-то в столицу летел для пересадки на другой рейс, на отдых стремились.

Дети волновались. Один заплакал, и все подхватили его вопль. Страшно маленькому, первый раз в самолете, вестибулярный аппарат не знает, как реагировать, и посылает тревожные сигналы.

В ряду за мной пожилая пара возвращается домой, навещали дочь.

— Хорошо у Аллочки, воздух чистый, вода как божья слеза, лес опять же. Такого в Москве не встретишь, — восхищенно вспоминал мужчина.

— Да при чем тут природа? Ты видел, как Пашка себя ведет? Дома не появляется, небось, по девкам шляется, а наша-то его вовсю выгораживает. Сколько ни говорила я ей про непутевость мужа, только отмахивается. Ой, опять в боку колет. Как приедем, сразу к врачу пойду.

— Опять ты за свое. Когда ему гулять? Две дочери и два сына. Он в сервисе своем и днюет, и ночует, все делает, чтобы семья в достатке жила. Пропах весь соляркой.

— Я не собака, чтобы его обнюхивать, — фыркала в ответ женщина.

Ох, люди. Почему вы считаете, что ваше мнение, ваш взгляд на других единственно верный? Как можете судить со стороны? У каждого свой путь и своя жизнь. Свой опыт, привычки, виденье этого мира. На чужих ошибках не учат-

ся, вопреки расхожей поговорке.

«Со мной такого не случится». Или «Вот я бы выкрутился/не попал в такую ситуацию». Не работает это.

«Что-то меня на мораль потянуло. Человечина во мне голову поднимает». Я усмехнулась, поймав себя на этой мысли. Прикрыла глаза и остаток полета провела в полудреме.

Глава 6

Москва встретила дождливой погодой, свинцовые облака словно зацепились за высотки и никак не отпускали древний город.

На выходе из зоны прилета меня встречал Владимир. Подтянутый, без намека на живот, в костюме и совершенно лысый. С неизменной группой охраны.

— Нет худа без добра! Вот и ты ко мне пожаловала!

Он бесцеремонно сгреб меня в охапку, сжал, словно в тисках, потерся гладко выбритой щекой о мою, искупал в аромате парфюма и наконец разжал крепкие объятья.

— И я рада тебе, человече! — улыбнулась я в ответ.

Пока шли до его автомобиля, Владимир ввел в курс дела относительно племянника.

— Костяшкин живет у меня, осторожно приглядываю за ним, не давлю. От охраны отказался. Наружка показала — все больше он увлекается шумными компаниями, увеселительными заведениями, женщинами с сомнительной, как по мне, репутацией. Сама посуди, ну разве может дочь профессора, уважаемого человека, прыгать из койки в койку, слов-

но коза? Красотой наделена, деньги есть, здоровьем пышет, но ничем не интересуется. Ни живописью, ни историей. Разве такое возможно?

— Одумается, отыщет себя. Не торопи, всем надо пройди дорогу жизни своими ногами.

— Да мне на нее… В общем, не важно. Но влияние всех этих, — покрутил Владимир пальчиком в воздухе, — на моего племянника тревожит.

— Расскажи лучше, как сам?

— Бодр, хвост держу пистолетом. Стреляю и отлавливаю врагов. Они из каждой щели повылазили. Наслушались лживых речей, дураки.

Владимир служит в контрразведке. И я прекрасно понимаю, о чем он говорит.

— Повторюсь. Мало, непростительно мало вы уделяете внимание воспитанию молодых людей. Все это уже было, со времен Иоанна Грозного на наши богатства рот разевают. Россия всегда вела войны, свои и чужие земли защищала. Вот об этом и надо говорить, объяснять, откуда ветер дует, показывать на примерах. Вспомни, ах, тебя тогда еще не было, британцы захватили Индию, и что? Какой мир они принесли на те земли? Больше половины населения истребили, превратили в рабов. Такого «благополучия» хотят эти все?

— Политика… — сокрушенно вздохнул Владимир. — Ты к нам на сколько? Какую программу готовить? — он поменял тему разговора.

— Костю заберу — и домой. Не у одного тебя заботы.

— И что, даже пару дней не погостишь? — с надеждой и тревогой на лице развернулся ко мне Владимир.

— Давай в другой раз. Не до развлечений мне сейчас, — я была честна.

Я вообще никогда не вру. Мне это просто не нужно. Зачем создавать себе лишние проблемы.

— У тебя всегда так. Сколько раз уже обещала? — в его голосе проскользнула обида. А это плохо, нельзя быть причиной разлада.

— Зимой у меня забот меньше. Новый год мимо, и все праздники, а вот в середине января, когда морозы отобьют у людей охоту нос на улицу лишний раз высовывать, я и приеду.

— На неделю!

— Три дня максимум. Нельзя хозяйство надолго оставлять.

— Пять!

— Два!

— Будь по-твоему, три так три, — пошел на попятную Владимир.

Автомобиль тем временем заворачивал в открывающиеся ворота его загородного дома. Подстриженная лужайка, затененная натянутой над всей территорией сеткой, создавала домашний уют. Первый этаж дома каменный, второй из дерева. Лаконичный стиль, без балюстрад и башенок на кры-

ше, дом в простоте напоминал наши, алтайские. Мне порой кажется, что таким образом Владимир перенес частичку малой Родины в Москву и, как за якорь, держится.

Хороший он человек. Правильный. В качестве подарка я «усилила» его сетку. Чтобы ни на одной карте не проглядывалась. Нечего чужие носы совать куда не следует. Затем мы прошли в гостиную. Там уже накрыли стол по случаю моего приезда. Традиция. Гостей всегда встречают едой.

— Тетя Зина приехала! — Младшая дочь с разбегу кинулась мне на шею.

Два взрослых сына уже жили своей жизнью, и послал Творец в эту семью счастье позднего ребенка. Лизавета, жена Владимира, в сорок семь лет стала жаловаться на тяжесть внизу живота. Тот перепугался, стал брату звонить, просить помочь, а Дмитрий лишь усмехнулся, едва увидев Лизавету по видеосвязи:

— На сносях она! Поздравляю!

Родители вначале рты поотрывали от изумления, а когда поняли… С тех пор и поселилось в их доме очередное счастье.

— Ты кто? И где та девочка, что подарила мне в прошлый приезд первый выпавший зуб?

— Да это же я и есть. Вот какая большая выросла! — покрутилась довольная произведенным впечатлением Маша. Озорной ребенок, какими и должны быть все дети.

Костю я, признаться, не узнала. Белые обтягивающие

брюки с настолько низкой посадкой, что волоски с лобка проглядывают. Футболка с надписью «Все или ничего», еле пупок закрывает. Белоснежные кроссовки. Волосы мокрые? А нет, гелем уложены. Ты кто, родной? И что стало с Костиком?

— Здравствуйте, тетя Зина. Отец вас прислал?

— Сама приехала, после того как отец рассказал про твой смелый поступок. Я ненадолго. Давай за стол и потом удели мне часок времени. Ночью домой уеду.

Чтобы парень раньше времени ничего себе не надумал, я сразу расставила приоритеты. Умолчала лишь о том, что домой мы вернемся вместе. Всему свое время, без подготовки в этом вопросе нельзя.

Владимир и Костя из всего дома одни немного знали обо мне правду. Ни Елизавета, ни тем более Маша ничего не подозревали. Для их же блага. Для них я была далекой родней с Алтая. Поэтому за ужином мило болтали, обменивались новостями и вообще вели себя как любящие родственники.

После ужина мы с Костей уединились в его комнате.

— Я всегда была честна с тобой. И буду такой всегда. Поэтому предлагаю тебе то, в поисках чего ты приехал в Москву. — Времени на пустые разговоры не было.

— Я приехал за одним, а здесь нашел другое, — потерянно проговорил парень.

— Неважно. Ты хотел увидеть мир? Познать его скрытые тайны? Я могу их тебе показать.

— Да ладно? — поднял удивленно брови Коська.

Вместо ответа я сняла с шеи черное ожерелье и любовно погладила.

— Обернись, пожалуйста, ступой.

И в тот же миг посредине привычной обстановки оказался совершенно не вписывающийся в нее предмет.

Костя приоткрыл рот, затем прикрыл и сглотнул слюну. Дар речи у него пропал. Но это не я. Честно.

— Я живу на этом свете триста лет. И буду жить еще семьсот минимум. Мое настоящее имя Яга. И я охраняю границу между миром живых и мертвых. Кроме того, я «решала» в лесу, среди зверей порядок восстанавливаю. И вот через два дня у меня назначено судилище. Хочу позвать тебя, показать, как звери на перерождение уходят. Поедешь со мной?

Костя продолжал хлопать глазами, переводя взгляд с меня на красавицу ступу. Надо дожимать.

— Моя хорошая, обернись, пожалуйста, сапогами-скороходами.

Бах! Столб дыма, и на месте ступы два кроссовка Костиного размера.

— Примерь, — подтолкнула я его к подвигу.

Он послушно снял свои кроссы и сунул ноги в мои. Игра началась. Ступа с размаху пробежала по стенам. Хотела всем четырем. Быстро пробежала, но Костя такого не ожидал, да и законов физики не отменить, и тело у него не тренированное для этих забав, поэтому в полете он начал падать. Сапоги

приняли вид глубокого, мягкого кресла — из таких обычно без опоры на руки не выберешься, и кресло закружило парня по комнате. Подлетело к окну и слегка подбросило его в воздух. Поймало и метнулось к дверям. Костя, весь белый от сами знаете чего, вцепился руками в подлокотники. Но надо отдать ему должное — не проронил ни звука. Избранный, не отнять у него этого.

Когда ступа перестала готовить Костю в космонавты, я протянула руку, и она послушно легла в нее агатовым ожерельем. Костя выдавил:

— Я поеду с вами.

Глава 7

— Собирай вещи на неделю жизни в лесу, и это… переоденься, пожалуйста. Чтобы не приняли меня за эксцентричную особу с молодым ухажером.

Я окинула его с головы до ног брезгливым взглядом и вышла.

— Владимир, позвони брату и сообщи, что мы рано утром к нему заедем. Попроси приготовить запас продуктов на двоих, на неделю примерно.

Лицо хозяина дома округлилось. Он энергично поднялся с дивана, на котором сидел и подтрунивал над любимой дочкой, торопливо оттащил меня в укромный угол для разговора.

— Согласился?

— Да.

— Ты его к себе?.. — не договорив, он замолчал.

— С возвратом. Не волнуйся. Но если Костя не одумается… Прости, не я принимаю решение.

В последующей за моими словами паузе Владимир нервно теребил подбородок.

— Ты обещала приехать в январе, — не произнеся главное, напомнил он слово, данное мной.

— Раз обещала — приеду. Да полно тебе волноваться. Ольга права, Коська хороший парень, нацеплял всякого, от рода отдалился, нужно только пыль с него стряхнуть, и все наладится.

— Ты уж постарайся… Я ругать себя до конца жизни буду, что принял его, позволил окунуться во все это болото.

— А вот этого не смей. Всему этому суждено было случиться. Но велик будет дар Костика, когда одумается. Посильнее отца станет.

Костик уже спускался по лестнице, поэтому я шутливо задала вопрос, на который и без того знала ответ.

— Для себя ничего попросить не хочешь?

— Пусть Костя придет в себя. Я счастливо прожил эту жизнь, хочу дожить сколько Творец позволит, в таком же счастье.

— По слову твоему…

Я обняла Машу, «сканируя» ее состояние, физическое и душевное. Родись она парнем… можно было ее в смело избранные переводить. Но увы… Слишком тяжелый труд, да

и у женщин другая цель в этом мире. Но ребенок уродился чистым женьшенем, таких редко мироздание в мир посылает. Много добра она принесет людям. Хорошим человеком станет.

Если Костя сделает правильный выбор.

— Мира вам! — я поочередно обнялась с каждым и, не оборачиваясь, вышла в темноту двора.

Костя шел след в след, но не проронил ни слова. Молодец! Понимает, что нельзя говорить при посторонних. А вопросов у него тьма… Ну ничего, пусть обдумает все как следует, а дома поговорим. У меня дома.

Дождь закончился, воздух насытился влагой, но не потерял тепла. Свежо и комфортно, как по мне. В такую погоду грибы между собой соревнуются, кто быстрее из грибницы вырвется, кто выше над землей поднимется. Радость для слизней да мелочи травоядной лесной.

Я прикрыла глаза и потянулась до леса. Что там у меня?

Алиска, мать оступившегося Мишки, ходит по лесу за Захаром и требует, уговаривает его повлиять на мое решение. Смешная, будто сегодня на свет появилась. Захар круги от нее рисует, уходит, не желает связываться с глупой медведицей. Он как никто принимает закон леса, и иллюзий у него относительно будущего своего чада нет.

Степку-волка, напротив, мать лично за загривок оттаскала. Сидит в стороне щенком побитым.

Права Белка, все хвосты и уши прижали. Ждут судилища.

На прощание перед регистрацией обнялись с Владимиром. Молча. Все сказано, все услышано, сейчас остается только ждать решения Кости.

Посадку прошли в числе последних, затем уютно устроились на соседних креслах и практически весь полет проспали. По крайней мере, я.

Прилетели на рассвете, и, выйдя на стоянку, я вновь прикрылась силой. Сняла агатовое ожерелье:

— Родная, становись автомобилем, да вези нас к Дмитрию.

Протянула на вытянутой руке ожерелье, наблюдая, как густой дым обретает форму черного внедорожника. Сильное зрелище.

— Прыгай в машину и спрашивай, что хотел. Сейчас можно. — Я открыла водительскую дверцу и устроилась на привычном месте.

Костя пощупал ручку двери, осторожно открыл дверь и, стараясь не делать резких движений, опустился на пассажирское сидение рядом со мной.

— Пристегиваться ремень надо?

— Как хочешь. Но аварии не случится. Моя верная подруга перелетит опасность, если таковая случится.

— А менты, камеры?

— Никто нас не заметит и не остановит. То великая сила будет нас закрывать.

— Угу. — Костя сложил руки на коленях как послушный

ученик. Но ненадолго.

Ступа тут же начала маневр, двинулась вначале задним ходом, выезжая с парковочного места.

— А вы рулить не будете? — заволновался парень, глядя, как я потянулась к своему багажу, совершенно не держась за руль, не смотря в зеркала, не переключая педали да рычаги. Потянулась на заднее сидение за бутылкой с Ольгиным квасом. Пить захотелось.

— Да я и не умею! — рассмеялась я.

— Она сама, да? — вжался в сидение Костя, стараясь унять испуг.

— С момента, как мой дух перенесли в это тело, кстати, оно тоже принимает разные формы, так вот, мне дали силу и помощницу. Мы втроем связаны, можно не произносить вслух желание, а попросить. Так устроен мой мир.

— А кем вы были до…

— Перерождения? Дочерью волхва.

— Вы не умерли, потому что вас в это тело поселили?

— Никто не умирает. Мироздание любит своих чад, начиная с самой мелкой твари и заканчивая людьми, без меры. Смерти нет. Ее люди придумали. Каждый, завершив отведенный ему путь, уходит на перерождение. С той лишь разницей, что я помню, кем была до перерождения, а остальным это знание закрывают. Для их же пользы.

— Умно, — после продолжительного молчания согласился Костя. — И сколько таких перерождений дано людям?

— Неправильно вопрос ставишь. Есть ли ограничения по перерождениям? Отвечаю: нет. У людей те или иные поступки вызывают дрожь, ужас, желание покарать, избавить общество от убийц, к примеру. Но мироздания учит людей через поступки. Сложно человеческим умом понять глобальный замысел Творца. Даже мне это не под силу. Нужно довериться ему и знать, что все происходящее с вами — это либо воздаяние за ваши же поступки, слова, либо часть великого творения мира.

— А вы его видели? Какой он, Творец?

Меня радовал этот разговор. Костя, несмотря на всю нестандартность, так сказать, ситуации, не зажался в себе, а продолжал сыпать вопросами.

— Ты знаешь, что такое грибница в лесу? Как она устроена?

— Паутина в земле?

— Вроде того. Так же и Творец. Он повсюду и в каждом из вас.

Глава 8

— А почему вы в лесу живете, а не с нами?

— Я страж на границе живых и мертвых. Мир мертвых, он много где на Земле существует, в наших краях это гора Белуха. И чтобы не забредали туда искатели ненужного, я и живу в лесу. А вторая моя забота — это поддержания мира, равновесия, среди животных. В том году, например, косуль много уродилось, значит, волки и медведи сытые будут,

приплод хороший дадут. Но нужно зорко следить, чтобы сохранялась гармония. Разрастётся популяция хищников, перебьют всех травоядных, трава до макушек сосен поднимется, в ней мелочь разведется, которая вред деревьям наносит, и заболеет лес. Поэтому осенью направлю хищников в другие леса, пусть там обживаются.

— А моя роль какова? — задал Костя животрепещущий вопрос. А вот сейчас игры закончились.

— От твоего решения зависит многое. Тебе предоставлено право сменить Дмитрия и стать моим избранным в мире людей. Заметь, право, а не долг. Решение за тобой.

— А если я не захочу? Почему без меня так решили? Не объяснили, не предупредили? — выпустил колючки Костя.

— Право выбора у тебя есть. Никто не заставляет. Но, помимо прав, у людей есть и обязанности. А в твоем случае это долг. Триста лет я поддерживаю отношения с вашей семьей. Прадеды твои со мной трудились, сейчас вот Дмитрий. Ваша семья избрана мирозданием. И если ты откажешься нести долг, то род ваш прекратится. У Маши не родятся наследники, у твоих других братьев также. А ты… Ты и года не проживешь. Уйдешь на перерождение.

Я рассказала ему будущее спокойно, но тут же почувствовала волну протеста, закипающей ярости, исходящей от парня.

— Фигасе выбор! — присвистнул Костя. Он все больше распалялся. — Свобода говорите? Либо в деревню, либо на

перерождение? Я только жить начинаю, и что, как отец, день и ночь должен выслушивать жалобы умирающих и поить их травами? А если я другой жизни хочу, нормальной. Вон как у дяди Володи или у других. Учиться хочу, путешествовать, мир посмотреть. Для себя пожить. Нельзя?!

— Тебе нельзя. Твоим младшим сыновьям все это будет доступно. А старший станет избранным. Конечно, если мы поладим с тобой. Видишь ли, весь мир в тебе. И не обязательно даже из дома выходить, чтобы понять, достичь этого. Загляни в себя чуть глубже, прислушайся. Все идет отсюда, — положила я ладонь ему на грудь. — А ты сейчас думаешь ногами, куда бы сходить, каких бы еще острых впечатлений ощутить. Сместились у тебя полюса.

— А может такое случиться, чтобы ошибся Творец? — не унимался Костя.

— Нет.

— Ну ладно, вся моя семья умрет, а вы? С кем вы дело иметь будете? Почему Творец об этом не подумал? — с нескрываемой издевкой в голосе произнес он.

— Я буду искать новых избранных. Такое случается в мире. И мой долг решить эту задачу. А Творец… Я не знаю его замыслов, лишь подчиняюсь его воле, — пожала я плечами.

Никогда таких вопросов себе не задавала: «за что?», «почему?» Надо, значит, сделаю, а мироздание поможет.

— Мне надо подумать. Я не готов.

— Думай, кто же не дает.

— А если я передумаю идти с вами в лес? — выдвинул следующую идею Костя.

— Начнется обратный отсчет.

— А если с отцом дома останусь?

— Значит, должен будешь принять долг, либо начнется обратный отсчет.

— А какие мне выгоды становиться избранным? Вы силой поделитесь, может, у меня такая же тачка появится? — провел он рукой по панели авто.

Торг? Мальчик, ты серьезно вздумал торговаться с мирозданием? Люди. Сколько живу Ягой, никогда не перестану вам удивляться. Что в ваших головах? Вы даже отдаленно не представляете, что такое Творец, а уже готовы ему условия выставлять.

— Материальных никаких. Не считая того, что я буду приносить тебе золотые самородки из леса да корень женьшеня.

— Золото? Правда?

Вот ведь дурачок. Неужели и впрямь придется искать другую семью? Не могу поверить, чтобы Дмитрий воспитал такого дурного сына.

Коснись кого другого, я могла бы силой «поправить» помыслы человека. Но с избранными все не так. Мы взаимно уважаем друг друга, и я не имею права влиять на их решения с применением силы. Разговаривать могу, убеждать, даже приоткрыть завесу таинственности могу, но никак не напрямую решать их судьбу. Накажет мироздание. Против

Творца я никогда не пойду, это закон.

— Правда. Я Дмитрию каждый визит приношу, а прихожу я, сам знаешь, раза два в месяц.

— С золотом веселее будет. Тогда и подумать можно, — не без удовольствия потер ладони Костя.

Мы уже подъезжали к дому Дмитрия. И я, если честно, была этому рада. Неприятно вести разговор с человеком, одержимым деньгами, богатством. Я таких не понимаю и не стремлюсь понять. Хочется поскорее отправить их на перерождение. Пустые они.

— Я вот что решил. Если единственный способ оттянуть обратный отсчет — это пойти с вами в лес, то я согласен, — Костя словно одолжение сделал.

Но я не гордая, мне важно исполнить замысел Творца. И если ради этого нужно идти на попятную с будущем избранным, я и раздумывать не стану. Так проявляется в том числе мое уважение всему их роду.

— А сколько я могу жить у вас, в лесу, чтобы обратный отсчет не случился?

Парень явно решил перехитрить того, с кем и лукавить-то невозможно.

— Это твой выбор. И решение за тобой. Я не буду тебя ограничивать, выгонять или, напротив, удерживать. Ты, и только ты, должен принять решение.

— А жизнь-то налаживается! — повеселевший Костя открыл дверцу автомобиля и, выйдя на лужайку за домом, по-

тянулся всем телом.

Глава 9

Ольга встретила нас тревожными глазами. Переводила взгляд с сына на меня, словно пыталась прочитать, предугадать.

— Мы ненадолго, продукты возьмем, и ко мне, — предупредила я с порога.

Костя поздоровался, обнял мать, словно и не было их разлуки. И она прижала его к себе крепко-крепко. Надо же, родительский дом как меняет его поведение. Где этот столичный разгильдяй? Передо мной стоит прежний Костик и отдает должные почести своей семье.

— Ты знала про тетю Зину? Ну, что она… сказочная? — отстранившись от Ольги, Костя прямо в лоб задал вопрос, внимательно вглядываясь в лицо матери.

— Знала. Это же она меня с твоим отцом свела, — смахнув слезу, ответила Ольга.

А потом рассказала, уже со смешком, какая она была в молодости и как ее Творец уму-разуму учил.

К концу рассказа пришел Дмитрий, обнял за плечи жену и подтвердил ее рассказ.

— Я никогда не бывал в том лесу, а тебе честь выпала. Ты не посрами нас перед Зиной да перед зверьём лесным.

Словно наказ прозвучали его слова.

Сели за стол, я рассказала, как съездила, уверила, что у Владимира все по-прежнему спокойно. Завтрак получился

короткий, и говорила в основном я. Тревога повисла воздухе немым вопросом.

Уже выходя к машине, я пообещала вернуться на следующей неделе. Исключительно за продуктами. Одной мне запасов хватило бы на подольше. Но придется кормить молодой растущий организм.

— Не знаю, сама приеду или Костю пошлю. Я напишу заранее.

Парень тем временем укладывал сумки с разносолами в машину.

— Пока, мам, пока, пап, — коротко попрощался он и уселся на сидение. — Вы сказали «напишу». С голубем письмо пошлете? — со смешком поинтересовался, вероятно, будущий избранный.

— Нет, волков попрошу, они в зубах и принесут, — также шутливо отозвалась я.

— А у вас они ручные?

— У меня они волки. Зверьё дикое.

— Значит, покататься не получится? — продолжал юморить Костик.

— Поверь, ты сам не захочешь.

— Это почему?

— Потому что ты для них самая легкая добыча и желанная еда.

Нет, убивать, конечно, не станут. Мое слово в лесу — закон. Но характер покажут. В этом сомнения нет. А Костя

должен знать правду и быть готов ко всему.

Подъехали к лесу молча, Костя дремал, сказалась ночь, проведенная в самолете, и информация, что обрушилась на его голову по прилете.

Я же по-своему радовалась возвращению домой. Здесь все мое, понятное и родное. Не надо лукавить, убеждать. В лесу надо жить и наслаждаться полнотой бытия.

— Костик, просыпайся. Поезд дальше не идет, станция конечная. — Растолкала я его, как мне показалось, весьма удачной шуткой.

Лес шумел кронами высоких деревьев. Ветер обдувал свежим бодрящим воздухом. Солнце прилично поднялось над горизонтом и уже пригревало каждую травинку и все живое. Люблю этот час.

— Ну, родная, вот мы и дома. Давай напоследок прокатим нашего гостя с ветерком.

Костя молчал и спокойно наблюдал, как машина превращается в ступу. А потом был оглушительно прекрасный полет между деревьями. Правда, Костя вжался в диванчик, костяшки его пальцев, да и лицо побелели. А жаль. Такой полет пропустил.

— Это и есть ваша избушка?

Едва мы опустились на полянку, рот у Кости непроизвольно приоткрылся от удивления.

Двухэтажные хоромы на четыреста квадратов поразят любое воображение. Это он еще внутри не был.

— Я же современная Яга, вот и попросила современную избу. Пойдем покажу. Там у меня баня имеется, где я добрых молодцев перед смертью намываю.

Веселье от возвращения домой било через край.

— А они приходят к вам?

— Ты сказки не читал?

— Читал, но у вас все реалистичное. Я разобрать не могу, где сказка, а где реальность.

— Стой! — окликнула я Костю, занесшего ногу для первого шага, и надо сказать, вовремя. Через мгновение на это место изящно приземлилась откуда-то сверху Белка.

— Играешь все?

Я не ругала, скорее делала комплимент ее гибкости и умению бесшумно появляться из ниоткуда.

— С едой играть нельзя, — демонстративно облизнулась рысь, глядя в лицо человеку.

— Костя не еда.

— Ты не передумала? А я надеялась… — Рысь перевела взгляд бездонных глаз на свою белоснежную пушистую лапу. Вытянула ее, полюбовалась на когти и поставила на землю.

— Зайдешь? — пригласила я ее в избушку.

— За пустой стол не приглашают! — Помощница повернулась и, раскачивая задницей, ушла в лес.

— Она что, за еду меня приняла? — отмер вскоре Костя.

Язык животных он не понимал, но слышал мои ответы. Говорила я вслух, вводила его в лесную жизнь таким обра-

зом.

— Я предупреждала. Но смертельная опасность тебе не угрожает. Слово Яги. Кофе будешь?

— А у вас и кофе есть?

— И кофе, и посудомойка, и душ, и сплит-система. Все, что есть в мире людей, есть и у меня.

Зашли в дом, и взгляд Кости упал на ноутбук.

— Даже так?

— Ты и впрямь думал, что мои письма волки относят? — Я щелкнула кнопкой кофемашины. — Давай обсудим планы. Мне надо по соседям прошвырнуться, к кикиморам на болота заскочить, с Лешим перетереть. Ты со мной или сам по себе?

— Конечно, с вами. А они настоящие? — подпрыгнул на кресле Костя. Радуется, глупенький.

— Настоящие, как мы с тобой. Своеобразные и на тебя глазеть будут. А кикиморы к себе звать. Но если не согласишься, просто болотной водой с досады обольют.

Костя только махнул рукой, дескать, переживу.

Я бы не стала столь легко принимать решение на его месте, но у человека всегда есть выбор. Да и, надо честно признаться, давно уже у лесной братии не было достойного развлечения. Вот я их и порадую.

Глава 10

Костя заметно повеселел и направился осматривать мой лесной особняк, как он его назвал. Прошелся по широкой

веранде, оценил плазму в полстены, изумрудного цвета диван и кресла, из числа тех, в которые как сядешь, так встать сложно, настолько они мягкие, глубокие и коварные.

Оценил вид Белухи, открывающийся с веранды и уходящей в небо зеленой манящей пирамидой.

Потом Костя направился знакомиться с домом, а я в душ, затем переодеваться в привычную, удобную и яркую одежду. Белье в сторону, кому оно нужно.

На чистое, еще чуть влажное тело я надела тончайшую шелковую рубашку в пол с длинными рукавами и вставками из кружева, расходящимися клиньями от подмышек до самого пола. Ослепительно белоснежную, хоть и Вестин цвет мне совершенно не по статусу. Сверху льняное платье зеленовато-молочного оттенка, также закрывающее все тело. Но оно украшено вышивкой и лентами, приталено по фигуре и расходится широким подолом к земле.

Волосы распустила и вплела в них — ну, не сама, попросила силу помочь, — разноцветные яркие атласные ленты. Одно удовольствие смотреть, как они переливаются на солнце или меняют свой цвет в чаще леса. На ноги мягкие туфли без каблука, из ткани, украшенные вышивкой со славянскими мотивами. Это мой человеческий дух через узоры отдает почести Роду.

Я принарядилась и бегом на кухню. Промыть и закинуть в мультиварку перловую крупу с корешками. Когда вернемся, каша будет готова.

На плиту отправилась кастрюля с водой, а туда овощи, переданные Ольгой. Капуста, картофель, морковь, лук, коренья для аромата. Сварится, суп поедим. Разносолы: грибы, овощи, ягоды — у меня не переводились.

Ольгин собственноручно выпеченный хлеб я обернула чистой льняной тряпкой и отправила в берестяную хлебницу. Он и две недели в ней хранится, не черствеет и не плесневеет. Про плесень, то бишь грибы, мхи, мы сразу с ними договорились: мой дом запретное место для них. Так и повелось.

А напоследок поставила квас. По Ольгиному рецепту, на ржаных корочках с добавлением меда.

— Ты давай, ускорься, пожалуйста, чтобы к нашему возвращению был готов, — нашептала я ему, получила в ответ «бульк» и, накрыв тряпочкой, убрала в темный угол.

Сварила себе очередную чашечку кофе и вышла на веранду. Любоваться красавицей горой.

— Послезавтра жди. Отправлю к тебе зверей.

Так я и просидела до возвращения Кости. А едва завидев его, а он меня, мы прыснули со смеху.

Я вся нарядная, с лентами и в платье, он же оделся хуже Лешего. Какие-то камуфляжные широченные штаны, болотного цвета футболка. Кикиморы оценят. Куртка со множеством карманов, тоже цвета хаки, и высокие ботинки на шнуровке. Парень в тайгу собрался на неделю. Ему еще бы топор, платок на голову и мешок за плечи, и образ закончен.

— Я думал, мы на болота пойдем, вот и оделся, чтобы не

сожрали комары да пауты, — развел руками Костя, оглядывая себя.

— Мы и пойдем на болота. Что касается комаров и прочих любителей кровушки попить, я думала с ними договорится на счет тебя, меня-то они не трогают. А сейчас даже не знаю. Зря ты, что ли, готовился? — веселилась я.

Все же здорово я придумала Костю в лес пригласить. Его появление будут помнить долго.

— Не-не-не, если есть такая опция, пожалуйста, включите, — ответил также с юморком парень.

Дальше я вручила ему канистру с чистой водой в одну руку, кофемашину в другую, сама подхватила белоснежные фарфоровые чашечки, блюдца, серебряные ложки, сахар и, собственно, пачку кофе. Все это заботливо сложила в походную сумку, чтобы ничего не разбить. И позвала за собой на болота:

— Пойдем к шальным девкам.

— Почему шальные?

— Сам все увидишь.

— А почему не в ступе?

— Погулять хочу.

По лесу гулять полезно. Где еще человек может насладиться столькими ароматами? Даже мне, сколько здесь живу, прогулки не переставали дарить наслаждение, а городским и подавно.

Но минут через двадцать неспешной ходьбы Костя начал

роптать: тяжело ему и жарко, и далеко ли еще идти? А может, все же в ступе? Или давайте тяжести в ней отправим. Испортил прогулку.

— Андрейка, дай короткую тропинку к кикиморам, — обратилась я вслух к Лешему.

Знаю, что наблюдает издалека, интересуется моим гостем, ждет, когда к нему приведу.

Едва я произнесла, как откуда ни возьмись налетел порыв ветра, это, заметьте, в чаще леса. Закачались деревья, сорвались с их верхушек птицы, и тут же перед ногами образовалась тропинка, а деревья вроде как измельчали, стали кривиться. Я глаза подняла, впереди уже кустарник, а за ним болота. Пришли, стало быть.

Мы с Костей обогнули кустарник и очутились в кикиморином царстве.

— Доброго дня вам, девицы болотные, — произнесла я у кромки зеленой воды. — Ставь поклажу. Будем кофе готовить.

Разложила я на сухом месте скатерть. Поставила чашки с блюдцами. Насыпала кофе в машину, попросила Костю плеснуть водицы и щелкнула кнопкой. Зашумела машина, готовя нам кофе.

Костя смотрел на нее во все глаза и никак не мог сообразить принцип действия.

— Сила… — Не знаю, понял или нет, мне не до объяснений.

Из воды начали появляться кикиморы.

Все нагие и все прекрасные в своей человеческой личине. Одна, белокожая, с длинными, распущенными по плечам русыми волосами, с рубенсовскими формами, с пышными грудями, алыми сосками, широкими бедрами, покатыми белоснежными плечами и тонкими щиколотками.

Вторая смуглая, с короткой стрижкой каре, по-мальчишески узким тазом и крепкой задницей, с еле заметной плоской грудью и фиолетовыми сосками, размером с крупную виноградину.

Третья рыжая, лохматая, вся с головы до ног усыпанная веснушками, приближается и смеется, распахнув руки, словно для объятий.

Костя замер в полоборота, приоткрыл рот и, кажется, готов был променять жизнь в лесу на все земные радости. Он даже не дышал. А девы картинной красоты, все молодые и манящие, продолжали появляться из болота и, не отрывая от Кости пьянящих взоров, мягкой, хищной поступью шли к нам.

— Трясина вам к лицу, красавицы, — я слегка кивнула при их появлении.

— Ягиня, проси что хочешь за этого мужчину, — взяла за запястье Костю главная среди кикимор, с рубенсовскими формами.

Она изящным изгибом тела увлекла его на траву, сама села напротив, не сводя с него призывного взгляда. Костя лишь

тяжело сглотнул, жадно пожирая ее божественные формы глазами.

— Прости, Клава, не могу. Костя — старший сын моего избранного человека.

— Пшш! — зашипели кикиморы.

Но соблазнять парня не перестали. Они тугим кругом расположились возле него, сидя, полулежа или вовсе выгнувшись в зовущей позе, раскинув тело на траве. И каждая тянула к нему ладони, гладила или просто прикасалась.

Кикиморы, что сказать. А может, стоило парня предупредить? Он уже сам не свой, и штаны в паху сейчас разорвутся.

— Девы, я к вам по делу.

Надо парня спасать.

— Сдается мне, что этим летом придут к нам незваные гости. Я могу и зверятками своими справиться, но по-соседски хочу и вас на пир пригласить. Пришла предупредить да согласие получить.

— Так ведь мы завсегда… — не сказала главного Клава. Она сменила позу и положила голову Косте на колени.

Держись, парень! Я верю в тебя, а дома ждет холодный душ, если что.

— Кофе?

— Да, — облизнула пухлые губы Клава. Она приблизила лицо на расстояние десяти сантиметров к Косте и вглядывалась в его глаза.

— Прошу, Клава, — первую чашечку я протянула ей.

Затем пришла очередь других, и давление на Костю ослабло, слегка.

— Вы как здесь, красавицы?

— Плохо нам, Ягинюшка, без мужчины. Молодого, сильного, вот как твой, — стрельнула глазами на Костю Клава.

— Да вам любой ненадолго. Сутки ни один не прожил. — Это я для отрезвления Кости произнесла.

— Пшш! — зло откликнулись кикиморы.

— Так ведь те слабаками оказались, — вырисовывала пальчиком на коленке Кости замысловатый узор Клавка.

— Ну да, помнится, Леший еле от вас вырвался, едва к нам в лес попал да на вас забрел.

— Так то мы играли… — рассмеялась Клавка, откинув волосы от лица.

От этого жеста всколыхнулась ее грудь и мой Костя.

Пора заканчивать представление. Костя мне нужен живым, а то, не ровен час, сердечный приступ его хватит.

— Благодарю, девицы, за прием, за ласку вашу, — покосилась я на страдальца. — Пора нам.

Я поднялась и стала упаковывать посуду обратно.

— Останься с нами, — жарко шептала главная кикимора, прижавшись губами к уху Кости.

— Клава! Я все слышу, — подала я предостерегающе голос.

Дурная у них наследственность. Против меня не пойдут, но напакостить напоследок могут.

— Пшш! — кикимора зашипела, вскочила, окатила парня болотной водой и нырнула головой в болото.

Следом за ней и остальные.

— Остатки воды выливай красавицам. Бери наше добро, и пойдем домой, — скомандовала я, пытаясь отрезвить Костю.

На обратной дороге он сыпал вопросами:

— Кто они такие?

— Болотные духи.

— Такие красивые могли бы в мире людей устроиться. Жили бы, ни в чем не нуждались.

— Им нельзя. Их долг жить на болоте.

— И у них долг? — удивленно вскинул брови Костя.

— У всех. А ты как думал? — Я остановилась и развернулась к нему всем телом. — Но выбор и у них был. Клавка влюбилась до беспамятства в жениха, да не уберегла себя до свадьбы. Он ее обесчестил и отказался жениться. После чего родители ее прокляли. Другой понравился чужой жених, она закрутила, залюбила, разорвала помолвку. Суженая от горя руки на себя наложила, а когда парень узнал, отрезвился, да с утеса в реку кинулся. Ты не думай доброе про них. Хищные натуры, злые. А то, что ты видел, это вроде платья. Сегодня одно, завтра другое. Но ты по одежде не суди.

Глава 11

Я повернулась и пошла в сторону дома. Костик следовал за мной, молчал всю дорогу, только пыхтел позади да тяжело ступал. Устал человек. Привыкли все на транспорте, совсем

ходить ногами разучились, потеряли связь с землей. И только дома я сообразила — парня голодом держу, а время уже за вторую половину дня перевалило. Упс, нехорошо получилось, негостеприимно.

— Умывайся, переодевайся и за стол. Трапезничать будем.

Костя невнятно угукнул с лестницы.

Я расстелила на стол нарядную скатерть. Все же не часто у меня в гостях люди бывают. Вернее, Костя первый. Хотела выказать ему уважение посредством богато накрытого стола. Его родители меня всегда хлебосольно принимают.

Заставила я стол яствами, расставила тарелки, бокалы под квас, украсила салфетками. Сплошное любование. А что, если… Достала телефон, сделала несколько фото с разных ракурсов и отправила Ольге с пояснениями: «Ужинаем».

Костя спустился со второго этажа. Он переоделся, волосы влажные, но радости лице не наблюдалось.

— Приятного аппетита, — пожелала я, разглаживая салфетку на коленях.

— Угу.

Предложенную еду Костя съел совершенно безразлично. Задумчиво откусывая хлеб и отправляя кашу ложку за ложкой в рот. Это его так кикиморы ошеломили? Или начал о чем-то задумываться?

После ужина я вышла на террасу, Костя за мной. Мягко опускались сумерки, в лесу пробуждались светлячки и вся-

кая ночная живность. И надо же такому случиться, чтобы сова Верка, проснувшаяся спозаранку, спикировала прямо на мышь, опрометчиво решившую срезать путь по открытому пространству перед террасой.

Беззвучным камнем свалилась сова с неба, схватила дурынду когтистыми лапами. Мышь визжала и вопила, а сова повернула голову и прогугукала:

— У Ягуши человек. — И утащила завтрак к себе.

Костя наконец заговорил. Но не о кикиморах — о себе.

— Она меня почти съела, — сказал он, глядя на ночной лес. — Клава. Я же видел, как она смотрела. Как будто я — последний кусок мяса в голодную зиму. И знаешь, что самое страшное? Мне это понравилось.

Я не перебивала.

— Я испугался, — признался он. — Но не того, что она меня убьет. Я испугался, что я соглашусь. Что скажу «да» и останусь там. Потому что тогда — никакого выбора, никакого долга. Только страсть и болото.

Он горько рассмеялся.

— Я думал, что хочу быть свободным. А оказалось, я боюсь свободы. Потому что свобода — это когда ты один. И никто не скажет тебе, кто ты есть. И это... это страшнее, чем ваша рысь. — Он повернулся ко мне. — Я даже за двадцать три года не понял, что мне нужно.

Костя помолчал, потом добавил тихим голосом:

— Может, я поэтому и поехал с вами. Чтобы вы меня на-

учили... или убили. Все лучше, чем эта пустота.

Поклон вам, кикиморы. Пробудили мне человека в человеке. Придется с вами расплатиться по-царски. Долгов я не приемлю.

— Я завтра к Лешему собираюсь, пойдешь со мной?

— А он какой? Чего от него ждать?

— Андрейка смешливый, он сплетник, каких поискать, но кровожадности в нем нет, ни в какое сравнение с кикиморами.

Тем временем опустилась темнота. Мне-то она нипочем, я по-другому вижу лес и зверей, а Костик начал волноваться.

— Зина, то есть Яга… Мне кажется, за нами наблюдают.

— Тебе не кажется. Весь лес обсуждает новость, что я привела человека, при этом не на забаву зверью, а в качестве гостя. Такого никогда не случалось. Вот и пришли на тебя посмотреть, обнюхать, оценить. Не как добычу, а как… волшебство, с которым не сталкивались никогда. Я думаю, даже захоти ты сейчас прокатиться на волке, он лапы от тебя унесет. Потому что ты неведомое и оттого опасное чудище в его лесу.

— То есть эти маячки, отблески — это глаза животных, наблюдающих за мной?

— Да. Боишься?

— С вами нет. Да и свалилось столько за этот день, что возникни сейчас огненный столб посреди поляны, я не удивлюсь. Вернее, удивлюсь, конечно, но приму как должное. Де-

скать, в сказочном лесу… И далее по тексту.

— Иди спать. Помнишь, как в сказке?

— Утро вечера мудренее?

— Совершенно верно.

Я «включила» ему свет в доме, сама же осталась еще на час. Посидеть в тишине. Слишком много было суеты за эти два дня. И моя связь с мирозданием стала тоньше, прозрачнее, притупилась, что ли. А это недопустимо.

Утро встретило нас туманом. Не тем, серым и тоскливым, что липнет к одежде, а легким, молочным, сквозь который солнце пробивалось золотыми лучами. Костя стоял на крыльце, пил квас и щурился, разглядывая Белуху.

— Она каждый день такая? — спросил он, кивнув на гору.

— Какая?

— Красивая. Как будто… живая.

Я усмехнулась. Начинает видеть, добрый знак.

— Она живая, Костик. Просто ты раньше не умел смотреть.

Он фыркнул, но без злости. За ночь в нем что-то переменилось. Он двигался спокойнее, не дергался, не задавал тысячу вопросов. И это меня радовало — и настораживало одновременно. Слишком тихо для человека, который вчера орал на меня в машине.

Завтракали молча. Я сварила кашу на воде, добавила лесных ягод и меда. Костя съел две тарелки и искренне поблагодарил. Второй день без мяса, яиц и молочных продуктов

— и ни слова упрека. Либо мужественно терпит, либо, как я, не нуждается в подобной еде здесь.

Потом я собрала корзину: немного хлеба, горсть вяленой брусники, бутылка кваса. Для Андрейки — лучший подарок.

— Мы к Лешему, — объявила я, надевая на плечо легкую сумку.

Костя поднял бровь:

— Он что, еду любит?

— Он любит внимание, — усмехнулась я. — И сплетни. Но если не угостить, обидится. А обиженный Леший — это дожди на три недели, грибы, которые вырастают не там, и зайцы, которые часами плутают в лесу.

Костя расхохотался — впервые по-настоящему, звонко и открыто.

— Это вы серьезно?

— Я никогда не шучу про погоду, — напустила я на себя важность.

Мы пошли не по тропе. Я специально свернула в чащу, где деревья стоят стеной и между ними приходится пробираться бочком. Костя пыхтел, отводил ветки, пару раз споткнулся о корни. Но не жаловался. Только спросил, отгоняя от себя комаров:

— А почему не в ступе?

— Он обидится, — повторила я. — Леший любит, когда приходят пешком. Это значит уважение. Да и потом, Костик, ступа для него — как метеорит. Не успеешь оглянуться, а

он уже пересказывает соседям, как небесная колесница приземлилась на его любимую поляну. Сплетни — его стихия.

— И что, он совсем не опасен?

— Опасен? — я остановилась, чтобы посмотреть Косте в глаза. — Он смешливый. И любопытный, как сорока. Если захочет, может запутать тропинки так, что ты будешь три дня ходить вокруг одного дерева. Может нашёптывать птицам, чтобы они пели фальшиво. Может превратить мох в вату. Но кровожадности в нем нет, — я усмехнулась. — Ему лень убивать. Надо же после этого хоронить, заметать следы, врать другим лешим… Андрейка слишком ценит свое время.

Мы вышли на поляну, и Костя ахнул.

Посредине стоял дом. Не избушка, нет. Настоящий терем: резные наличники, крыльцо с балясинами, на крыше — деревянные петухи. Но все это было… неправильным. Окна — разные по размеру, дверь — слегка перекошена, крыльцо уходило вправо, хотя должно было стоять ровно. И повсюду: на перилах, на ставнях, на трубе — сидели… ну, не знаю, как назвать. Пушистые шарики с глазками. Домовые? Лешины помощники? Они смотрели на нас, переглядывались, и от их внимания Костя передернул плечами.

— Андрей! — позвала я, ступая на скрипучую ступеньку. — Выходи, гостей встречай!

Из дома донесся шум, топот, грохот падающего утюга. Дверь распахнулась, и оттуда вывалился… дед. Обычный,

на первый взгляд, дед: лохматая седая борода, мешковатые штаны, клетчатая рубаха, из расстегнутого ворота которой торчала с проседью шерсть. Косолапый, чуть сгорбленный, с огромным носом-картошкой и глазами-бусинками — зелеными, хитрыми, живыми и веселыми.

— Ягиня! — заголосил он, распахнув руки для объятий. — Ждал, ждал! Сороки уже на хвосте принесли, что ты с человеком идешь! А я не верил! — он подскочил ко мне, чмокнул в щеку, оттолкнул и оглядел с ног до головы. — Худая ты, милая. Не ешь ничего. Опять кофе пила вместо супа?

— Андрей, — строго сказала я. — Веди себя прилично. Это Костя. Сын Дмитрия, моего избранного человека.

Леший замер. Повернул голову к Косте. Тот стоял растерянный, с корзиной в руках и не знал, кланяться или руки пожимать. Андрей подошел к нему, обошел кружком, принюхался. Затем отошел на шаг и громко, на всю поляну, хмыкнул:

— Так вот ты какой, наследничек. А я думал, ты выше. И, знаешь, — он понизил голос до заговорщицкого шепота, но все равно было слышно, — я наслышан. О тебе. Сороки принесли, и не только сороки, — поиграл Андрейка заросшими бровями.

Костя покраснел. Сначала чуть, потом густо.

— Что принесли? — спросил он.

— Все, милый, чистую правду выложили, ничего не ута-

или, — Леший лукаво прищурился. — И о том, как ты в Москве девок в рестораны водил. И о том, как от отца прятался. И о том, что спать любишь до обеда. И, — он поднес палец к губам, — что носки ты не стираешь. Прячешь под кровать.

— Откуда вы?.. — Костя поперхнулся.

— А я все знаю, — радостно объявил Андрей, шлепнув его по плечу. — Лес — уши, поля — глаза, каждая травинка докладывает. Я, голубчик, когда скучно, целый день слушаю. Сороки прилетают, вороны каркают, зайцы стучат лапами, муравьи по доске ползут. Вот и складывается картинка.

Он подхватил Костю под локоть и потащил в дом. Я пошла следом, еле сдерживая подкатывающий смех. Обожаю Андрейку за его легкость в общении и бесподобный юмор! Как такого не любить?

Внутри терем оказался еще удивительнее. Вместо стен — шкафы. Вместо потолка — гирлянды из сухих грибов. И пахло мятой, смородиной и чем-то кислым, вроде квашеной капусты. Леший усадил Костю на лавку, пододвинул скамейку, сам уселся напротив, положил руки на колени и уставился на парня с нескрываемым удовольствием.

— Ну, рассказывай, — потребовал он. — Как это ты решил к нам, в глушь, заявиться?

Костя перевел взгляд на меня. Я чуть заметно кивнула.

— Я… не решил, — ответил он честно. — Меня привезла тетя Зина, вернее Яга.

— А-а-а, — понимающе протянул Леший. — Значит, заставила? Принудила?

— Нет, — Костя вдруг выпрямился. — Я сам захотел. Сначала — нет, не хотел. Я злился. Но потом, — он запнулся, подбирая слова, — я понял, что должен посмотреть. Иначе не пойму, кто я.

Леший улыбнулся. Не насмешливо, а тепло, почти по-родственному.

— А ты смелый, — сказал он. — Приехал. Хоть и боишься.

— Я не боюсь! — вспыхнул Костя.

— Врешь, — добродушно заметил Леший. — Боишься. Я же вижу. Глаза бегают, ладони влажные. Уши покраснели, когда я про твои носки сказал. Хотя про носки — это я придумал. Сороки ничего не говорили про носки. Просто я люблю смотреть, как люди смущаются.

Костя сначала ошарашенно моргнул, потом фыркнул, а потом засмеялся.

— Вы… вы меня разыграли?

— Конечно! — Леший хлопнул себя по коленям и расхохотался. — Я же Леший! Мое дело — сбивать с толку, путать дороги, водить за нос. Особенно городских, которые думают, что все знают, а сами даже берлогу от норы отличить не могут. Ты, Костя, хороший. Потому что посмеялся. Если бы надулся, я бы тебя три дня по лесной чаще водил. А так, — он подмигнул, — приглашаю чай пить.

Он подскочил, ловко для своего косолапого вида, и загремел посудой. Мы сидели в этом странном доме, и Костя постепенно оттаял. Леший болтал без умолку: рассказал, что сороки обещали принести новости от кикимор, что мыши под полом уже неделю спорят о политике, а барсук, который живет под сосной, решил жениться на зайчихе, и все теперь гадают, как это будет выглядеть. Костя смеялся, задавал вопросы, и я впервые видела его таким — легким, открытым, без брони.

— Вы правда все это слышите? — спросил он, когда Леший налил нам чаю с каким-то дымным, сладким привкусом.

— Все, — важно кивнул Андрей. — Вчера, например, я узнал, что Ягиня привела человека, при этом не на забаву. И все звери в лесу только и говорят об этом. Белка, — он поднял палец, — говорит, что ты боишься рыси. А рысь говорит, что ты храбрый. И никто не знает, кому верить.

— Я боюсь, — признался Костя. — Но я боюсь не рыси. Я боюсь ошибиться. Что выберу не то.

Леший нахмурился. Посмотрел на него серьезно.

— А ты не бойся, — сказал он. — Выбора нет. Есть только путь. Ты либо идешь, либо стоишь. Я вот, когда молодым был, тоже думал: правильно ли я тут, в лесу, среди елок? Или надо было с людьми жить? У них интересно, весело. Деньги, машины, инстаграмы всякие. А потом понял: я — лес. Я корни, мох, дождь, листопад. И если я уйду, я перестану быть собой. Так что ты, парень, не ищи правильного ответа.

Ищи себя. И если найдешь — все остальное приложится.

Костя задумался. Откусил от корки хлеба, жевал медленно, а Леший тем временем плеснул ему еще чаю и добавил:

— Ягиня тебя не просто так привезла. Я тебя видел во сне. У тебя, Костя, много света. И много страха. Но страх — это компас. Если ты знаешь, чего боишься, ты знаешь, куда тебе идти.

— Я боюсь, что умру, — тихо сказал Костя.

— Ну, все уйдут на перерождение, — пожал плечами Леший. — Это не страшно. Страшно не успеть, а ты успеешь, поверь старому пню.

Он потрепал Костю по плечу, и Костя не отодвинулся. Улыбнулся — чуть виновато, но тепло.

Мы просидели у Лешего до середины дня. Андрейка рассказывал байки, Костя смеялся, я пила чай и смотрела на них. Когда мы собрались уходить, Леший вдруг подошел к Косте, обнял его по-медвежьи и что-то шепнул на ухо. Я запретила себе подслушивать.

Костя вздрогнул, удивленно посмотрел на него, потом перевел взгляд на меня и снова на Лешего. И сказал:

— Спасибо.

Андрей только хихикнул и скрылся в доме.

Мы шли обратно по тропе. Я не спрашивала, что он сказал. Костя сам остановился, взял меня за руку:

— Он сказал: «Ты можешь умереть один раз, но жить ты должен каждый день». Я не понял, что это значит. Но я за-

помню.

— Запоминай, — кивнула я. — Леший редко ошибается.

Костя улыбнулся, отпустил мою руку и пошел дальше. И я заметила, что он уже не оглядывается на деревья с тревогой. Он шел ровно, глубоко дышал, и впервые за время нашего знакомства мне показалось, что он нашел тропинку к себе.

Глава 12

Утро началось с тишины. Не той, что бывает после дождя, когда лес замирает и слушает капли. Другой — настороженной, звенящей, когда даже ветер боится шевельнуть листву. Я стояла на крыльце и чувствовала, как лес ждет. Каждый зверь, каждая птица, каждая травинка знали: сегодня день суда.

Костя вышел бесшумно. Встал рядом, оперся о перила. В глазах — не вчерашняя суета, не страх. Спокойное ожидание. За ночь он изменился, или Леший шепнул что-то такое, что перевернуло парня с ног на голову. Я не спрашивала, он не говорил. Но я видела: он готов или почти готов. Осталось немного.

— Они придут? — спросил он.

— Уже идут.

Костя не удивился, только кивнул — начинает чувствовать лес.

Поляна перед избушкой постепенно заполнялась. Первыми прилетели сороки — расселись на нижних ветках, переглядывались, перешептывались. Костя покосился на них, и я

услышала его мысли: «И правда сплетницы». Потом начали собираться звери.

Волки прихошли стаей. Молча, без единого рыка. Вожак — старый, седой, с умными желтыми глазами — прошел вперед и опустился на задние лапы. Остальные рассредоточились полукругом. Степка плелся в хвосте. Я видела его испуг, его желание сжаться в комок, провалиться сквозь землю, он знал и не надеялся на пощаду.

Медведи шли отдельно. Захар — огромный, матерый, с густой черной шерстью, посеребренной на морде. Он шел степенно, не опуская головы. За ним Мишка. Он выглядел жалко: уши прижаты, хвост поджат, глаза бегают. Но за спиной отца он чувствовал себя защищенным, временно, конечно. Я видела надежду в его глазах, он все еще верил, что папа спасет. Не в этот раз.

Алиса, жена Захара, семенила рядом. Толстая, неуклюжая, с вечно встревоженным взглядом, она пыталась подойти к Мишке, коснуться носом, успокоить. Захар мягко отстранял ее плечом.

Лиса пришла последней. Появилась из кустов с нарочитой небрежностью, виляя бедрами, подошла к толпе и уселась в стороне, демонстративно чистя лапку. Я видела, как Оксанка сканирует поляну, оценивает, высматривает пути к отступлению. Даже сейчас, на пороге суда, она думала, что сможет выкрутиться. Плутовка, что сказать.

— Костик, сейчас я открою тебе дар, чтобы ты все слы-

шал. Ты готов? — я коснулась его плеча.

Он повернулся ко мне. Взгляд ровный, твердый.

— Да.

Я провела ладонью по его затылку, и в ту же секунду Костя вздрогнул. Мир для него изменился — он услышал. Шепот листьев, дыхание зверей, биение сердец, мысли. Все смешалось в один хор. Костя зажмурился на мгновение, переживая, а когда открыл глаза, в них уже не было растерянности, он понимал мой лес.

Я поднялась на крыльцо и окинула поляну взглядом.

— Лес собрался, — начала я негромко, но каждое слово врезалось в тишину. — Закон леса прост: каждый знает свое место. Каждый знает, что ему дозволено. Нарушил — ответишь. Сегодня мы говорим о троих. Степка, выйди.

Волк поднялся, вышел в центр поляны. Голова опущена, хвост между лап, он не смотрел ни на мать, ни на стаю, только в землю перед собой.

— Ты нарушил мир. Ты, будучи волком, начал драку с медведем. Вы оба ослушались моего приказа. Я приходила к тебе, я говорила с тобой, я видела, что ты не понял или не захотел услышать. У тебя была возможность измениться, ты ею не воспользовался.

Степка молчал. В его молчании была не гордость, а покорность. Вот сейчас он услышал, да поздно.

— Мишка, выйди.

Медведь переступил с лапы на лапу, покосился на отца,

Захар не шевельнулся, и Мишка, всхлипнув, вышел вперед. Встал рядом со Степкой, но чуть ближе к отцу, словно ища спасения, которого уже поздно просить.

— Ты знаешь свою вину. Ты нарушил приказ. Ты напал первым? — я посмотрела на Степку.

— Я, — прошептал тот.

— Значит, вина лежит на вас двоих. Потому что ни один не остановился, не пришел ко мне, не попросил о рассмотрении. Вы пошли друг на друга и готовы были убить, в моем лесу, на глазах у всех зверей.

Я повернулась к лисе.

— Оксанка.

Лиса поднялась, грациозно, неторопливо. Она даже сейчас разыгрывала спектакль. Подошла к центру, села, облизнула лапку и только потом подняла глаза.

— Ягинюшка… — Голосок у нее был сладкий, как мед. — Я не понимаю, зачем меня позвали. Я же всегда только помогала! Я советовала, наставляла, приходила к тебе с новостями, я так старалась! А эти двое, — она фыркнула в сторону волка и медведя, — сами друг друга нашли. Разве я виновата, что между волками и медведями вечная вражда? Это природа, Ягинюшка, я никого не настраивала.

Я молчала, давая ей выговориться. Она продолжала, все быстрее, голос становился высоким, нервным:

— Если ты хочешь их наказать — наказывай! Но я ни при чем! Я просто хотела помочь! Я собирала зверей, учила их

жить в мире, я же не знала, что они такие упрямые! Это все они, — она махнула лапой на Степку и Мишку, — они виноваты! Зачем ты меня сюда привела? Я же хорошая лиса, пустоцветом хожу, детей у меня нет, ты же знаешь, я уже наказана!

Она замолчала, тяжело дыша. По поляне пронесся шепот, сороки переглядывались, перешептывались, звери напряглись.

Я подождала еще мгновение, давая ей утонуть в собственной лжи.

— Оксанка, — сказала я тихо, и все звери замерли. — Я помню каждое твое слово. Я помню, как ты ходила к Степке и шептала ему, что медведи его не уважают. Как ты нашептывала Мишке, что волки хотят занять их берлоги. Я помню, как ты рассказывала другим зверям, что их вожди слабые. Ты плела сети, Оксанка, сама создала эту вражду. И ты обманываешь даже сейчас — не меня, себя. Ты лжешь в лицо лесу и Творцу.

Она оскалилась, впервые я увидела в ее глазах не хитрость, не притворство — злобу. Настоящую, голодную, жаждущую уничтожить.

— Ты просто не хотела брать меня в помощницы! Ты завидуешь мне, ты старая, скучная, а я молодая, красивая, я могу быть полезна, но ты не даешь мне шанса! Ты тварь, не человек и не зверь! — выкрикнула она на всю поляну.

Сороки снялись с веток, закружили в воздухе. Звери за-

шевелились, зарычали, я подняла руку, и тишина вернулась.

— Ты права, Оксанка. Я не взяла тебя в помощницы, потому что ты не способна служить никому, кроме себя, и сейчас ты доказываешь это снова.

Я сделала шаг вперед.

— Все трое. Вы нарушили закон Творца и ослушались меня. Вы сеяли вражду и страдали от нее же. И потому я, Ягиня, хозяйка этого леса, стражница границы миров, приговариваю вас: Степка, Мишка, Оксанка — вы уйдете на перерождение. Чтобы в следующей жизни вы родились другими, без груза ваших ошибок, чтобы вы научились жить в мире.

Я обвела поляну взглядом.

— Срок — сегодня. До заката.

Тишина была такой густой, что можно было резать. И вдруг ее нарушил голос, глухой, тяжелый, как камень, падающий в воду.

— Я уйду с сыном.

Захар поднялся и встал в центре поляны, старый медведь, вожак, и в его глазах была такая боль, что у меня сжалось сердце.

Лес ахнул, сороки замолкли, даже ветер стих.

— Захар, — сказала я, — ты не виновен.

— Я виновен. — Голос его был тверд, хотя в нем дрожала старческая усталость. — Я воспитал его, дал ему жизнь, видел, как он бунтует, как он не слушает, и я не остановил его. Я надеялся, что он одумается, что боль его научит. Не

научила. Значит, я сам должен ответить.

Он повернулся к Мишке. Сын смотрел на отца, и в его глазах я видела, как рушится мир. Он думал, что отец спасет его, а отец не спасал, он уходил вместе с ним.

— Пап, нет, — еле слышно прошептал Мишка.

— Тише, сынок, — Захар подошел, ткнулся носом в загривок. — Мы пройдем этот путь вместе, и, может, в следующей жизни ты будешь мудрее, а я — строже.

И вдруг раздался крик. Алиса.

Она выбежала вперед, встала между Захаром и мной, вся дрожащая, с безумными глазами.

— Нет! — закричала она. — Мой муж не пойдет! Он не виноват, я виновата! Я избаловала Мишку, я покрывала его, я не давала мужу его наказывать, забери меня! Я пойду вместо него!

Медведица кинулась к Захару, обхватила его шею лапами, зарыдала. Она плакала как человек, и ее рыдания разрывали тишину леса.

Я стояла молча, давая ей выплеснуть боль. Когда она затихла, я подошла ближе, присела на корточки, чтобы наши глаза были на одном уровне.

— Алиса, — сказала я мягко. — Я не могу тебя забрать. Ты носишь во чреве сына.

Она замерла, подняла голову, глаза широкие, мокрые.

— Не может быть, — прошептала она.

— Может. — Я положила ладонь на ее живот, и сила

моя потекла, открывая ей правду. — Через полгода ты родишь сына. Сильного, умного, мудрого, он станет вожаком всех медведей. От него пойдет новый род, сильнее прежнего, но если ты уйдешь сегодня — он умрет вместе с тобой. Ты убьешь его, Алиса.

Она смотрела на меня, не моргая. Я видела, как истина проникает в ее душу, как она борется, как не хочет принимать. Она хотела умереть за мужа, но должна была жить ради сына.

— Я не хочу, не хочу без него, — прошептала она.

Я отступила, давая им время.

Захар шагнул к жене, прижался лбом к ее лбу, и я услышала, как он шепчет. Не слова — чувства. Он говорил ей, что любит, что она его сердце, что она должна жить, растить их сына, помнить его. Что они встретятся снова, в другой жизни, но обязательно вновь будут любить друг друга. Его сила окутала ее нежностью, и она тихо плакала, соглашаясь.

— Обещай мне, — сказала Алиса, когда они отстранились.

— Все, что ты попросишь, — ответил Захар.

— Ты будешь ждать меня? Там…

— Буду, — он усмехнулся, и впервые я увидела его улыбку. — Я везде буду ждать тебя.

Они еще долго стояли, касаясь друг друга носами, не желая отпускать.

А потом Захар отошел, поднял голову, посмотрел мне в

глаза и кивнул.

— Я готов, Ягиня.

Я кивнула и подошла к своему дому.

— Избушка-избушка, — произнесла я, и голос мой разнесся по всей поляне, — повернись к горе задом, ко мне передом.

Дом вздохнул, заскрипел, застонал и медленно, тяжело развернулся. Теперь вход в мир духов открылся. Там, за Белухой, за туманом, мерцала тайна, и я видела ее — дверь, которую не следовало открывать живым. Для тех, кто уходит, она была светлой, для остальных — непостижимой.

Четверо приговоренных стояли у порога. Степка — смирный, принявший свою судьбу. Мишка — рядом с отцом, дрожащий, но держащийся. Оксанка — последняя, но в ней уже не было злобы, только усталость. Она посмотрела на меня, и я прочитала в ее взгляде: «Прости».

— Вы уходите на перерождение, — сказала я. — Вам будет трудно. Вы многое потеряете, но вы родитесь заново, и у вас будет шанс стать лучше. Идите с миром.

Они шагнули.

Последним уходил Захар. Перед тем как переступить порог, он обернулся к Алисе, смотрел на нее долго, впитывая каждый миг. Она стояла, не двигаясь, слезы заливали ее морду, и когда он исчез, она опустилась на землю и завыла. Весь лес затих, слушая ее горе и сочувствуя ей.

Я подошла к ней, обняла ее большую, неуклюжую, мок-

рую голову.

— Ты сделала правильный выбор, твой будущий сын будет гордиться тобой. А с Захаром вы непременно встретитесь.

Она прижалась ко мне и затихла.

Поляна стала пустеть. Звери расходились, унося в себе тяжесть увиденного, сороки улетели последними. И когда я повернулась, увидела Костю.

Он стоял на крыльце, бледный, с мокрыми глазами. Я подошла, встала рядом. Мы долго молчали.

— Они и правда умерли? — спросил он.

— Нет, они переродились, начали заново.

— Как я? Я тоже начинаю заново, — сказал он тихо.

Я посмотрела на него, в его глазах уже не было сомнения.

— Я остаюсь, принимаю долг.

И в этот момент ветер донес до меня тревогу. Я прикрыла глаза и увидела: самоучка-альтернативщик собрал экспедицию и снова едет к горе, вновь готов нарушить закон. Что же, придется научить его раз и навсегда.

Я открыла глаза и повернулась к Косте.

— У нас скоро будут непрошенные гости, те, кто не знает закона, снова пытается попасть на Белуху.

Костя нахмурился.

— Можно я останусь? Посмотрю, чем все закончится.

— Ты уверен? — я приподняла бровь.

— Я должен.

Я вздохнула, глядя вдаль, где за лесом зарождалась новая

беда.

— Тогда готовься, Костик. Мало кто покидает мой лес живым.

Он усмехнулся, впервые без сомнения.

— Я не боюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.